

УДК 82-1

ПРОБЛЕМА ВЕРСИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКСКОЙ ПОЭЗИИ (На материале сюжета Йусуфа и Зулейхи)

Н. Ш. Хисамов, доктор филологических наук, профессор

Развитие средневековой тюркской поэзии шло в своей главной линии через обработку общих с арабской и персидской поэзией сюжетов. Количество таких обработок в ней возросло настолько, что она намного обогнала истоковую в этом отношении персидскую литературу, и это стало как бы традиционной чертой тюркской поэзии. Например, по библейско-кораническому сюжету о Йусуфе и Зулейхе в тюркских литературах средневековья созданы десятки поэм-назире, то есть подражаний или ответов. А благодатный толчок этому процессу дал болгаро-татарский поэт Поволжья XIII в. Кул 'Али.

Обозревая эту последовательную цепь созданных поэм, месневи, можно проследить путь идейно-философского и художественного развития всей средневековой тюркской поэзии. В современной литературоведческой и фольклористской тюркологии в монографическом или текстологическом плане исследованы почти все известные поэмы на данный сюжет. Например, поэме «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али посвящены работы Дж. Алмаза, А. Т. Тагирджанова, Ф. С. Фасеева, Ш. Ш. Абилова, Р. К. Ганиевой и других ученых. Этому памятнику и его традициям в тюркских литературах мы посвятили 4 монографических исследования.

Но исследование средневековой тюркской поэзии вступило в такой этап, когда ощущается острая необходимость обобщающих работ, которые дали бы

полную панораму и логический контекст всей средневековой поэзии или большого временного отрезка ее истории. Начало осуществлению такой потребности положила монография Х. Ю. Миннегулова «Восточная классика и татарская литература».

Что касается всей панорамы тюркской йусуфианы, то в ней остается неразработанной ключевая проблема – проблема версий, которая имеет важное значение для исследования и других сюжетов. Без выработки общих критериев невозможна объективная оценка каждой отдельной версии сюжета.

Выявление закономерностей развития средневековой тюркской поэзии возможно лишь через анализ последовательной цепи обработок одного сюжета. При этом необходимо ставить и решать следующие задачи:

1. Группировка и классификация средневековых тюркских поэм о Йусуфе и Зулейхе по способу их создания.
2. Выявление технологических компонентов образования новых версий.
3. Сопоставительный анализ текстовых нюансов, выявление оригинальных решений у отдельных авторов в трактовке героев, в мотивировке их поступков.
4. Прослеживание путей усовершенствования поэтики.

Понятие «версия» в литературоведении означает самостоятельную обработку общего сюжета. Мировая литература накопила громадный опыт создания на-

циональных, региональных и глобальных версий известных сюжетов, связанных с именами мифологических героев, исторических личностей, ставших легендарными, героев, персонифицирующих общечеловеческие нравственные идеи верности, самоотверженности, благородства или комические идеи плутовства, сердцеведства. Адам и Ева, Йусуф и Зулейха, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Ромео и Джульетта, Александр Македонский, Хосров Первиз, фараон Эхнатон, Спартак, Юлий Цезарь и Клеопатра, Моцарт и Сальери, Дон Жуан – вот далеко неполный перечень персонажей, вокруг которых сложились легендарные сюжеты, ставшие воплощением общемировых идей судьбы и морали.

Понятие версии действует в мировой литературе безотносительно к какому-либо жанру. Оно присуще всем жанрам литературы: поэзии, прозе, драматургии. Более того, часто речь идет о поэтических, прозаических и драматургических версиях одного и того же сюжета. Однако создание нескольких версий известного сюжета характерно больше для поэзии. А развитие поэзии Мусульманского Востока шло, главным образом, через создание новых версий излюбленных сюжетов. Притом что характерно: этот процесс поэтического состязания, называемого назире, объединял литературу на всех трех великих языках мусульманской культуры: арабском, персидском и тюркском. Что касается версий в тюркской поэзии, они, хоть и стоят на последнем месте хронологически, занимают первое место по интенсивности обработок общих сюжетов и по их количеству.

Такое явление имеет глубокие национальные корни в фольклорно-поэтических традициях тюрков, в частности в сказительских традициях создания эпоса. Е. Э. Бертельс, например, создание разных версий сюжета Йусуфа напрямую связывает с тюркской традицией, когда несколько сказителей берутся

за один и тот же сюжет и создают совершенно самостоятельные версии данного эпоса [1]. Такую интенсивность в создании новых версий неоднократно обработанного сюжета вызвал, по-видимому, процесс ускоренного развития тюркской литературы, которая представляла собой сплав народных поэтических традиций и достижений арабо-персидской классической поэзии. Заказчиками новых поэм, больших поэтических произведений, которые должны были превзойти уже существующие, выступали правители, монархи, пожелавшие пополнить свою библиотеку уникальными произведениями, увековечить свое имя, запечатлеть в литературе свою эпоху, свой образ правителя.

Развертывание, развитие средневековой тюркской литературы вокруг определенных тем, жанров, сюжетов и стереотипных образов связано с определяющей типологической особенностью ее, которая выражалась в традиционности, каноничности всего этого круга художественного творчества.

Академик Н. И. Конрад видел «наиболее показательную форму средневековой литературы именно у литератур молодых, свободных от огромного груза античного наследия, которого у них просто не было»[2].

Тюркская литература в своем ускоренном развитии имела возможность усвоить художественные достижения средневековой персидской литературы с ее, как говорят востоковеды, «возрожденческими» тенденциями. Поэтому утверждение гуманистического идеала в ней происходило синхронно с персидской литературой.

Традиционные и обновленческие или, если применить эпитет с оговорками в отношении средневековья, новаторские черты средневековой тюркской литературы наиболее полно и выпукло проявились в обработке сюжета о Йусуфе. В тюркской поэзии известно десятки обработок данного материала. Чем

это объяснить? Откуда такой интерес тюркского общества к судьбе этого персонажа? Конечно же, он пришел в тюркскую литературу через арабские и персидские источники. Тюркские авторы познакомились с ним и по прозаическим источникам (Комментарии к Корану, Сказания о пророках и другие прозаические сочинения, особенно трактат гератского шейха Абдаллаха Ансари «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» [3]), и по совершенным в художественном отношении поэтическим образцам Фирдоуси, а позднее – Джамии. Короче, перед тюркским поэтом сюжет о Йусуфе предстал как поэтический сюжет, который явился благодатной почвой для воплощения идеи человеческого счастья как результата гармонического сочетания земного жизненного опыта с предначертанным Богом высоким нравственным и духовным идеалом. В такой полноте поэтический сюжет о Йусуфе отвечал и светским, и религиозным запросам тюркского общества, которое получило возможность через яркий и увлекательный рассказ об удивительной судьбе героя приобщиться к мусульманским художественно-эстетическим и нравственно-духовным ценностям.

Неоднократное, настойчивое воспроизведение поэтического опыта на одном и том же сюжетном материале позволяло тюркским поэтам надежно фиксировать достигнутое и непрерывно совершенствовать художественный инструментарий воплощения сюжета, что в конечном итоге обеспечивало ускоренный рост литературы. Только в таком ракурсе можно понять мотивы и смысл создания близких по времени и региону многих поэтических версий сюжета о Йусуфе.

Безусловно, неодинаково их историческое и художественное значение в развитии тюркской литературы вообще и в цепочке обработок данного сюжета в частности.

Первооткрывателем тюркской йусуфианы был Кул 'Али, поволжско-бул-

гарский поэт начала XIII века. Позднее создали свои версии крымско-татарский, узбекский, туркменский, казахский и кумыкский поэты. По количеству и плотности поэтических обработок этого сюжета на первом месте среди тюркских и вообще восточных литератур стоит турецкая поэзия. Турецкие авторы поэм о Йусуфе и Зулейхе отталкивались непосредственно от «Кысса-и Йусуф», и отзвук этого влияния, этой «первоосновы» слышен во всех последующих и позднейших творениях турецких поэтов, обработавших данный сюжет. Этому способствовала близость поэтического языка, фразеологии, вообще поэтического мышления, художественно-эстетического мира поволжского поэта к своим огузским собратьям. Они восприняли фразеологию и поэтический мир Кул 'Али целиком, во всяком случае это четко прослеживается у первых трех его последователей: Шайида Хамзы и Сули Факиха (XIII в.), Ахмеди (XIV в.). А в казахскую и кумыкскую литературу в XIX – начале XX века сюжет попал под влиянием татарской литературы. В последних двух случаях речь должна идти о национальных переложениях поэмы «Кысса-и Йусуф».

Турецкие поэты не встретили в «Кысса-и Йусуф» ни малейшего языкового барьера, поскольку поэма была написана на смешанном огузо-кыпчакском языке с преобладанием огузских элементов, то есть на том языке, на котором создавались почти все произведения средневековой поволжско-тюркской литературы.

В тюркском мире в XIII веке для непрерывного развития литературного процесса сохранились условия лишь в Малой Азии. Поэтому неудивительно появление в течение одного с Кул 'Али века нескольких назире на его поэму. Это дастаны «Йусуф и Зелиха» Шайида Хамзы и «Йусуф и Зелиха» Сули Факиха. Создание новых версий сюжета Йусуфа продолжалось в XIV, XV и пос-

ледующих веках вплоть до XX столетия и завершилось драмой Назыма Хикмета «Йусуф и Зулейха», где современный турецкий поэт разрушил весь привлекательный ореол центральных героев и позитивный потенциал сюжета.

Необходимо отметить, что в мировой тюркологии весьма богата тюркская йусуфиана и, соответственно, обширно йусуфоведение. Почти каждая национальная версия сюжета исследована в специальных монографических трудах. Самого пристального изучения, пожалуй, удостоилась «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али, первая тюркская версия данного сюжета. В татарской и мировой филологии этому памятнику посвящены десятки и сотни исследований, в татарском литературоведении изданы четыре монографии на эту тему. В течение последних двух веков неоднократно проводилась текстологическая работа, и в результате ее издавался текст поэмы.

Разработана текстология и монографически исследована поэма Шаййда Хамзы «Йусуф и Зелиха». В узбекском и русско-советском литературоведении разносторонне исследована и издана на узбекском и русском языках поэма Дурбека «Йусуф и Зулейха» (XV в.). Туркменские филологи выполнили такую же работу по дастану «Йусуф и Зулейха» Нурмухаммеда Андалиба (XVIII в.). В азербайджанской филологии разработана текстология аналогичной поэмы Хатаи Тебризи (XV в.). В монографических исследованиях, посвященных поэмам «Йусуф и Зулейха» персидско-таджикского поэта Джами (XV в.) и курдского поэта Селима Слемана (XVI в.), значительное место отводится также тюркским поэмам о Йусуфе и Зулейхе. Необходимо отметить, что ни одна работа, касающаяся тюркской йусуфианы, не обходит стороной «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. И естественно, в центре внимания исследователей национальных версий оказываются те авторы, кому посвящается работа. Но проблема зак-

лючается в том, что объекты исследования рассматриваются как единственные в своем роде памятники, вне связи с предшествующими и последующими произведениями. Если и производится в них типологическое или даже генетическое сопоставление, то это часто делается произвольно, без учета исторически стройной последовательной цепи их связей. А это приводит к умалению значения или к преувеличенной оценке отдельных обработок сюжета. Например, исследователь курдской версии М. Б. Руденко [4] производит широкие сопоставления поэмы С. Слемана с аналогичными поэмами Фирдоуси, Джами, Кул 'Али и Шаййда Хамзы и обоснованно находит много общих деталей и мотивов и выявляет существенные различия в них. Однако при подробном сопоставлении с третьим последователем Кул 'Али Сули Факихом выясняется, что курдская поэма во многих отношениях является прямым переводом этого турецкого дастана. Таким образом, в области йусуфоведения накопилось столько исследований, что они нуждаются в полномасштабном обзоре и в глобальных обобщениях. Тюркское йусуфоведение подошло к такому рубежу, когда объективная и точная оценка конкретной обработки сюжета невозможна без выработки всеобщих критериев. А это упирается в проблему версий, ибо весь комплекс вопросов при рассмотрении конкретных памятников данного сюжета исходит из нее.

В отдельных исследованиях она стихийно уже обозначена. Например, спор исследователя поэмы Шаййда Хамзы Н. А. Аникеевой с востоковедом А. Т. Тагирджановым высвечивает проблему с двух сторон. Сопоставив поэму Шаййда Хамзы с поэмой Кул 'Али, А. Т. Тагирджанов заключил, что «в действительности Шайида Хамза перевел поэму 'Али от начала до конца, делая небольшие отступления от текста поэмы 'Али» [5]. Возражая этому мнению, ис-

следователь поэмы Шайяда Хамзы пишет, что «при рассмотрении произведений средневековой литературы необходимо учитывать характерную для нее традиционность и связанную с ней значительно меньшую по сравнению с новым временем индивидуализацию авторского творчества и меньшую внутрирегиональную спецификацию каждой отдельной литературы» [6].

Рассматривая поэму Хамзы как перевод произведения Кул 'Али, А. Т. Тагирджанов, известный востоковед, который совершил переворот в освещении творчества Рудаки и убежденно отстаивал мнение о том, что персидская поэма «Йусуф и Зулейха» действительно принадлежит перу Фирдоуси, допускает принципиальную ошибку и в плане исторического подхода, и в плане методологии.

Тезис профессора Тагирджанова о том, что поэма Хамзы не представляет самостоятельной поэтической ценности, также требует пересмотра. Здесь Н. А. Аникеева права.

Неразработанность критериев оценки художественных и иных достоинств произведений средневековой восточной, в особенности тюркской поэзии, сказала в негативных, скептических высказываниях и западных тюркологов. Например, немецкий ученый Эбергард Хильшер [7] отмечает в «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али «бедность новых мотивировок», хотя и извиняется тут же за поверхностное знакомство с поэмой. А в XIX в. в близком к нему духе высказался голландский ученый М. Т. Хоутсма. Он отметил «вялость и многословность» [8] изложения поэмы.

Весь секрет такого недоразумения заключается в том, что западные востоковеды подходят к оценке поэмы Кул 'Али со стандартной меркой персидской и последующей тюркской классической поэзии, когда она развивалась на основе метрики аруз и на общих с персидской художественных принципах. А

«Кысса-и Йусуф» представляет собой переходный, промежуточный этап от традиционно-древнетюркской или раннесредневековой и классической средневековой поэзии. Этот момент хорошо уловил американский тюрколог Стевен Л. Уэст. Он пишет: «Ее («Кысса-и Йусуф». – Н. Х.) содержание восходит в сердцевину ислама, но ее форма связана с тюркским народом. На этом пути поэма выделяется как **лучший памятник на стыке двух миров**» (подчеркнуто мной. – Н. Х.) [9].

Творчество Ахмеда Ясеви и Сулеймана Бакыргани в отношении поэтической формы вырастает из древнетюркской традиционной поэтики. Кул 'Али – первый поэт, воплотивший всю мощь этой поэтики в сюжетном произведении, реализовавший весь потенциал древнетюркского стиха в большой поэме. Именно такая чистота поэтического языка и простота формы позволили ему справиться с грандиозной задачей создания поэмы на недостаточно знакомый для тюрков сюжет.

Поэт таким образом перебрал мост из древнетюркской к классической поэзии, к этапу ее гуманистического расцвета. Его поэма не просто этап завершения древнего периода – он уже идет от Ахмеда Ясеви – а органический сплав древнетюркских (в основе народных) традиций с элементами поэтики персидской классической поэзии.

Исходным материалом для тюркских поэтов при создании поэм о Йусуфе и Зулейхе служили главным образом персидские поэтические и прозаические источники, и идейно-тематический тип их определялся характером первоисточника. Персидская поэзия выработала два типа поэтических обработок сюжета Йусуфа: 1) поэма Фирдоуси (X в.) и 2) одноименная поэма Джамии (XV в.). Сюжетно-композиционное и тематико-проблемное решение в последующих тюркских поэмах зависело от того, на кого из этих двух образ-

цов ориентировался тюркский автор. Исследователь курдской версии названного сюжета М. Б. Руденко совершенно точно и справедливо выделяет эти два сквозных типа обработок в мусульманских литературах. «Среди всех многочисленных восточных (мусульманских) поэтических версий поэмы «Йусуф и Зулейха», – пишет она, – можно выделить две группы поэтических обработок – по их идейной направленности и развитию сюжетно-композиционной линии. В основу первой группы легла поэма Фирдоуси, в которой центральную тему составляет не любовь Зулейхи к Йусуфу и связанные с ней переживания, а трагедия Якуба (Иакова), потерявшего на многие годы любимого сына. Вторая группа поэтических версий, возникшая после создания поэмы Джамии, основное внимание уделяет страстной любви Зулейхи к Йусуфу, которая у отдельных авторов символизирует любовь мистическую, растворение своего „я“ в божестве» [10].

Но не все тюркские последователи так четко разделяются по своим ориентирам на одного из этих двух персидских авторов, есть среди них и такие, которые вобрали в себя отдельные черты поэтики и композиционно-структурные элементы и поэмы Фирдоуси, и поэмы Джамии. Например, если турецкий поэт Кемаль Пашазаде целиком тянется к Джамии, то Хамди опирается в равной степени и на Фирдоуси, и на Джамии. Он это делает вполне осознанно и об этом заявляет в своей поэме. Своеобразная компоновка деталей и эпизодов из поэм этих двух персидских поэтов со временем стала версиеобразующим элементом тюркских поэм. Притом отсвет Фирдоуси падает на тюркских поэтов не только тогда, когда они обращаются непосредственно к его творению, но и тогда, когда тюркский автор имеет дело с персидским прозаическим источником. Дело в том, что поэма Фирдоуси своим многогранным охватом сюжетного ма-

териала объективно совпадает со многими прозаическими обработками его. И не только. Его поэма сильно повлияла на последующие прозаические версии сюжета. Например, в «Анис ал-мюридин» Абдаллаха Ансари мы выделили неоспоримые признаки того, что последний был знаком с поэмой Фирдоуси [11]. Таким образом, тюркские авторы поэм о Йусуфе даже тогда, когда опирались на персидские прозаические источники, следовали сюжетной схеме Фирдоуси. Это относится, прежде всего, к Кул 'Али.

Располагая десятками обработок сюжета о Йусуфе в тюркской поэзии, на основе их тщательного анализа мы можем заключить, что полная версия создается путем целостного идейно-художественного осмысления сюжета через предшествующую версию. В результате этого возникает новое художественное явление, новое оформление фабулы.

На примере обработок сюжета о Йусуфе в тюркских литературах можно выделить три способа создания версий: 1) поэтический, 2) поэтико-структурный и 3) поэтико-состязательный [12].

Говоря о «поэтическом способе», прежде всего и главным образом, нужно иметь в виду три памятника средневековой литературы: «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али (нач. XIII в.), «Йусуф и Зулейха» Дурбека (XV в.) и «Йусуф и Зулейха» Андалиба (XVIII в.) [13]. Регионы и национальная среда создания: Поволжье – болгаро-татарская, Средняя Азия – узбекская, Средняя Азия – туркменская. Способ их творения мы определяем как «поэтический» потому, что они все три созданы на основе прозаических источников. Два из них: поэмы Кул 'Али и Дурбека основываются на прозаическом сочинении «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» (Друг послушников и солнце собраний) гератского ученого XI века Абдаллаха Ансари [14]. Источником же дастана Андалиба служила «Кыссас ал-анбия» (Сказания о пророках) на персидском языке.

Поэтический способ создания версии объединяет эти три произведения по их жанровой сути, а в плане художественной технологии эти поэты пользуются поэтико-структурным способом. Поэме зачинателя тюркской йусуфианы Кул 'Али присущ неповторимый тюркский колорит. Это выражается не только в форме тюркского четверостишия, почти единственной [15] среди тюркских поэм на данную тему, но и в том, что поэт выработал фольклорно-книжный синтез художественных приемов, обогатил тюркскими этнографическими нюансами фактуру деталей (сплетение волос героя в косы и т. д.), для усиления отдельных мотивов и идей целенаправленно систематизировал эпизоды и детали. Он включил в поэму как детали и эпизоды из области собственной фантазии, так и сопутствующие идейно-эстетическим установкам и художественной системе своего произведения сцены и отрывки из сюжетного материала своих предшественников. Сильное влияние оказали на его творчество тюркские фольклорные традиции. Как создатель первого поэтического произведения на эту тему, Кул Али свободно и довольно смело обращается с освященным сюжетным материалом.

Своей композиционной четкостью (каждому эпизоду у него посвящена одна глава), стройностью, образностью и сочностью поэтического языка поэма Дурбека стоит выше почти всех восточных поэм о Йусуфе. Рядом с его изящным образным языком, чувством меры и тонкими красками проигрывает даже поэма Джамии с его нагроможденным цветистым языком. Примечательно то, что только в поэме Дурбека образ Йусуфа создан более полнокровно, со всеми человеческими слабостями, в соответствии со схемой героев любовных поэм. Несмотря на сюжет без войн, в поэме Кул 'Али герой произведения Дурбека предстает обладателем грозной военной силы. На его поэму повлияла атмосфера

междоусобных войн эпохи тимуридов, чувствуется влияние поэм Низами, в центре которых изображены герои любовных сюжетов.

Колоритное место занимает среди версий, созданных поэтическим способом, поэма Шайяда Хамзы, турецкого автора XIII века. Она в сущности является вариантом поэмы Кул 'Али, перенесенным на аруз. Однако, несмотря на то, что ее лексика и фразеология переняты непосредственно у Кул 'Али, поэтический язык ее отличается своей метафоричностью.

Турецкий поэт обогатил образы героев новыми деталями, внес фактологические изменения и иные нюансы. Интересно то, что наряду с поэмой Кул 'Али под рукой у него находился и «Анис ал-мюридин» Абдаллаха Ансари [16].

Шайяд Хамза усилил религиозное содержание поэмы. Его повествование ведется в двух планах: он вначале приводит рассказ с духовно-религиозным содержанием, потом как бы иллюстрирует его повествованием о Йусуфе. В этом он в определенном смысле походит на Фирдоуси и особенно на Ансари. Опираясь на поэму Кул 'Али, Шайяд Хамза делает первый важный шаг в создании назре или ее новой версии.

Поэтико-структурный способ в полном объеме реализовался в произведении турецкого поэта Сули Факиха, третьего автора, обратившегося к сюжету Йусуфа в XIII веке в тюркской литературе. Судя по всему, он имел под рукой обе поэмы, связанные между собой – и «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али и «Йусуфа и Зулейху» Шайяда Хамзы. Сули Факих полностью переосмыслил образы, эпизоды, ситуации, детали, часто меняет их местами, сильно усовершенствует язык и стиль изложения, обильно метафоризирует изображение, во всем проявляет свою творческую волю. Он осознанно скрывает свою зависимость от первоисточников, в каждом шагу стре-

мится отдалиться от них. Построение сюжета и фактура поэтического языка, идущие от Кул 'Али и Шайада Хамзы, становятся у него еле заметными. «Йусуф и Зелиха» Сули Факиха вправе называться в полном смысле первой версией по отношению к поэме Кул 'Али.

Одним из тех, кто пользовался поэтико-структурным способом при создании версии является также турецкий поэт Кемаль Пашазаде (1468–1526). По тематическому акценту в трактовке сюжета и суфийскому характеру философско-нравственных идей его поэма «Йусуф и Зулейха» тяготеет к джамиевскому типу версий сюжета.

Сули Факих открыл новый этап в поэтической обработке данного сюжета – этап поэтического состязания как способа создания версий, когда акцент перешел на художественное мастерство.

Самым видным представителем этого способа является турецкий поэт XV века Хамди (Хамдуллах Акшемседдинзаде Хамди). С высоты зрелой тюркской поэтики он обратился одновременно к двум истокам поэтических версий – к поэмам Фирдоуси и Джами. Хамди критически отнесся ко всем своим тюркским предшественникам по сюжету о Йусуфе и счел нужным вернуться к его персидским истокам. Высокий уровень развития тюркского стиха и появление нового фактора в персидско-таджикской поэзии – художественно более насыщенной, яркой поэмы на сюжет о Йусуфе – поставили в значительно более выгодное положение поэта Хамди среди его уже состоявшихся собратьев по теме. Это дало ему толчок к тому, чтобы предъявить к тюркской поэзии и к самому себе высочайшие требования. Новой версией сюжета он внес новизну в тюркские поэмы о Йусуфе. Он подошел к своей творческой задаче с ясным сознанием этого.

Поэт определяет свою поэму частично как перевод, а частично – как назире (т. е. поэтический ответ). Вслед за Фир-

доуси и Джами свое повествование он начинает с генеалогии героя, подробно излагает рождение и историю сыновей Ибрагима.

Хамди многократно увеличивает количество эпизодов, обогащает их фактуру, создает изящные и совершенные образцы поэтического языка, достигает высокой гармонии интонации, ритма и рифмы. Турецкие и западноевропейские ученые дают высочайшую оценку его поэме. «Межевой камень в истории развития османских месневи. Оно стало вообще популярнейшим и известнейшим тюркским месневи. В языковом отношении оно представляет собой совершеннейшее произведение во всей османской литературе до появления «Лейли и Меджнуна» Фузули», – приводит слова из «Энциклопедии ислама» [17] Эбергард Хильшер [18]. А турецкий литературовед В. М. Коджатюрк пишет: «Поэт прав, когда он утверждает, что не нашел в тюркском языке правильную „Йусуф и Зелиху“. Ни одна из многих „Йусуфов и Зелих“, написанных до него, не совершенна. А он же создал со всех точек зрения самую совершенную среди них. В теме и событиях его поэма связана с Фирдоуси и Джами. В целом связана и с прежними тюркскими авторами, творившими до него, только намного обширнее их. Самая важная особенность, бросающаяся в глаза, – это простота, естественность и искренность» [19]. Таким образом, сказание о Йусуфе и Зулейхе у Хамди – он завершил его в 1491 году – выросло в обширный роман.

Весьма интересно значение двух высокоталантливых поэм на сюжет Йусуфа: Дурбека и Хамди в истории конкретных тюркских литератур. Если первый подготовил почву для прихода в узбекскую поэзию Навои, то второй – для прихода в турецкую поэзию Фузули. Во всяком случае, среди поэтов, создавших поэмы на тему Йусуфа, в средневековой тюркской поэзии по своей

художественной самобытности и этапному значению три поэта: Кул 'Али, Дурбек и Хамди стоят рядом.

После фронтальной и обстоятельной проработки тюркских поэм о Йусуфе и Зулейхе рассматриваемой эпохи мы выделили три проблемных аспекта, на которых концентрируются основные особенности версий. Они следующие: I. Источники и текстовая фактура; II. Центральные герои и идейно-философская проблематика; III. Общее и индивидуальное в поэтике. А технология создания версий основывается на шести приемах или узловых компонентах. Они – следующие: 1. Контаминация; 2. Детализация; 3. Мотивация; 4. Драматизация; 5. Психологизация и 6. Метафоризация.

Контаминация представляет собой композиционный прием в виде новой компоновки сюжетного материала, изложенного предшественником или предшественниками.

Детализация проявляется в развертывании эпизодов и деталей, схематически и лаконично представленных у предшественников, в обогащении их жизненной и бытовой конкретикой (особенно характерно для Сули Факиха).

Мотивация состоит в объяснении поступков героев новыми, иными, чем у предшественников, мотивами, или в придумывании мотивации поступков

героев, оставшихся немотивированными у предшественников.

Драматизация ситуаций и персонажей наблюдается у Сули Факиха и особенно у Хамди как восприятие опыта Джами.

Психологизация эпизодов, ситуаций и персонажей активно применяется в поэмах Сули Факиха, Ахмеди, Дурбека и вслед за Джами у Хамди.

Метафоризация поэтического языка усиливается от автора к автору. У Шайада Хамзы поэтический язык становится более метафоричным, чем у Кул 'Али, у Сули Факиха – чем у Хамзы, а Ахмеди стоит несколько особняком, вернее, ближе к Кул 'Али. Обильно метафоризирован язык Хамди. Образцом для него здесь остается Джами. В то же время метафоричность турецкого поэта отличается от стиля его учителя большим чувством меры и утонченностью, в чем сказывается логика развития собственно тюркской поэтики. Поэтический язык Дурбека логически вытекает из тюркской поэзии Хорезма и Поволжья, а также вбирает в себя достижения персидской поэзии в лице Низами.

В целом, развитие средневековой мусульманской, главным образом тюркской, йусуфианы шло по этим шести versioneобразующим компонентам, и назрело как поэтическое состязание стало символом прогресса в средневековой тюркской поэзии.

Примечания

1. *Бертельс Е. Э.* Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном // Альманах «Дар». – Ташкент, 1944. – С. 172.
2. См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. – М., 1966. – С. 453.
3. Друг послушников и солнце собраний.
4. *Руденко М. Б.* Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Йосуф и Зелиха». – М.: Наука, 1986.
5. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулейха» на «Кисса-и Йусуф» 'Али и «Йусуф и Зулейха» Шайада Хамзы // Палестинский сборник, вып. 21 (84). – Л., 1970. – С. 60.
6. *Шейхад Хамза.* Юсуф и Зелиха / Введение, перевод и примечания Н. А. Аникеевой. – М., 1992. – С. 5.
7. *Hilscher Eberhard.* Der biblische Joseph in orientalischen Literaturwerken // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. – Berlin, 1956. – Bd. IV, Heft I. – S. 106.

8. *Houtsma M.* Ein alttürkisches Gedicht // ZDMG.– Leipzig, 1889.–Bd.43. S. 76.
9. West Steven L. The Qissa-i Iusuf of 'Ali: The first story of Joseph in turkic Islamic literature// Acta Orientalia, XXXVII (1–3).–Budapest, 1983.–P. 69.
10. *Руденко М. Б.* Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха».– С. 39.
11. См.: *Хисамов Н. Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али.– С. 62.
12. См. об этом подробнее: *Хисамов Нурмөхəммəт.* Тердəшлəр ничек ясала? (Урта гасыр шигъриятендəге бер сюжет мисалында // Мирас.–№ 7–8.–1995.
13. Дастан Андалиба не входит в хронологические рамки нашего исследования. Но он относится к одной с названными поэтами типологической эпохе и к общему с ними способу создания.
14. Вывод по отношению к поэме Дурбека сделан узбекским ученым Э. Р. Рустамовым в его монографии «Некоторые вопросы сравнительного изучения узбекской литературы XV века с другими восточными литературами (тюркские и персидско-таджикская)» (М.–Ташкент, 1966; докт. дисс. и автореф. дис. д-ра. филол. наук), а по отношению к поэме Кул 'Али – нами в монографии «Поэма „Кысса-и Йусуф“ Кул 'Али».
15. Крымско-татарский последователь его Махмуд Крымлы также использовал тюркские четверостишия.
16. На это указывают многие моменты отличия конкретных, общих в основе с Кул 'Али деталей, которые в своих фактологических чертах совпадают с «Анис ал-мюридин». См.: *Хисамов Н. Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али.– С. 200; *Хисамов Нурмөхəммəт.* Бөек язмышлы əсəр. – Казан, 1984.– Б. 252.
17. *Enzyklopaedie des Islam, 5 Bde.– Leiden und Leipzig, 1908.– S. 38.*
18. *Hilscher Eberhard.* Der biblische Joseph in orientalischen Literaturwerken.– S. 106.
19. *Kocatürk Vasfi Mahir.* Turk edebiyati tarihi.– S. 241.

Summary

The article is devoted to the crucial problem of medieval Turkic poetry – working out criteria for defining independent value of poems created with common plot according to the traditions of «nazire», i.e. imitation and competition. The analysis is conducted on the data of Turkic poems on Yusuf and Zuleikha created within three middle ages (XIII–XV). The author observes the technology of creating versions which includes six approaches: contamination, detailed elaboration, motivation, dramatization, psychological elaboration and metaphorization.